

А.П. Заостровцев

*к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург;
научный сотрудник, Европейский университет, Санкт-Петербург*

ЭКОНОМИСТЫ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕМОКРАТИИ: ДИСКУССИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Аннотация. Статья анализирует противостояние воззрений на эффективность демократии чикагской и виргинской школ политической экономии. Во введении отмечается актуальность проблемы и дается краткий обзор двух этапов полемики этих школ. В первой части рассматривается концепция эффективности демократии Дональда Уитмана, представляющего чикагскую экономическую школу. Во второй – ответ на нее его оппонентов, – Чарльза Роули и Мишеля Вачриса, сформировавших взгляд на провалы демократии теории общественного выбора в лице виргинской школы политической экономии. Третья часть посвящена теории рационально иррационального избирателя Брайана Каплана как инновации виргинской школы и его полемике с Уитманом. В заключении представлено развитие взглядов на кризис демократии как кризис всеобщего избирательного права и предлагаемые попытки выходов из него.

Ключевые слова: избиратель, эффективность демократии, политический рынок, провалы демократии, чикагская школа, виргинская школа, рациональная иррациональность, медианный избиратель, всеобщее избирательное право.

Классификация JEL: D72, B21.

Но я заявляю вполне откровенно: если демократия означает неограниченную волю большинства, я – не демократ, а такое правление считаю гибельным, в долгосрочной же перспективе – и не жизнеспособным.

Хайек, 2006. С. 363

Введение

Дискуссия о том, является ли демократическое правление наилучшей формой правления из всех возможных, идет со времен афинской демократии. Одним из ее актуальных на сегодняшний день аспектов является вопрос о влиянии демократического политического устройства на экономический рост и благосостояние стран. В докладе об экономической свободе Фонда «Наследие» в 2013 г. было опубликовано исследование известного экономиста Роберта Барро, где он на основе рассмотрения многих стран за длительный период пришел к выводу о том, что экспансия демократии имеет мало отношения к последующему экономическому развитию. «Для стран, которые начинают со слабых институтов, – низкого уровня демократии и закона и порядка, – демократизация менее важна, чем распространение закона и порядка» [Barro, 2013]. При этом он добавлял, что демократия не играет значительной роли в установлении последних. Отсюда неверно утверждение о том, что

демократия критически важна для роста в силу того, что она якобы есть предпосылка верховенства права [Ibid.]. Несколько ранее похожие выводы были сделаны на основе обзора обширной литературы о соотношении демократии и экономического роста [Doucouliagos, Ulabaşoğlu, 2008].

Имеются веские доказательства в пользу того, что за «богатство народов» отвечает не демократия, понимаемая как современный электоральный процесс на основе всеобщего избирательного права, а состояние прав собственности. Если мы обратимся к Международному индексу прав собственности (International property rights index или, сокращенно, IPRI), то в докладе IPRI-2017 установлена сильная корреляционная связь между ВВП на душу населения и тремя составляющими данного индекса. В частности, таковая прослеживается между ВВП на душу населения и одной из составляющих IPRI – политическая и правовая среда (коэффициент корреляции по Пирсону 0,82). Однако эта среда не включает описания демократического электорального процесса, а складывается из таких компонентов, как независимость юстиции, верховенство права, политическая стабильность и контроль коррупции [Levy-Carciente, 2017].

В то же время уроки «арабской весны» наглядно свидетельствуют о часто дестабилизирующем общество и потенциально опасном элементе демократии – принципе ничем не ограниченного избирательного права для всех взрослых граждан страны. Можно сказать, что он – ахиллесова пята организации представительного правления, которая и делает современную демократию не самой благоприятной институциональной средой для успехов страны как в области экономики, так и во всех прочих областях. Особенно, если речь идет о стране, где нет длительной и устойчивой традиции институциональных ограничений последствий электоральных решений.

Лучшей иллюстрацией этому служит недавняя история Египта: смена диктатуры Хосни Мубарака всеобщими выборами прямым ходом вела не к расцвету свобод и экономическому процветанию, а к явному смещению страны в направлении утверждения жестких исламских порядков. И только военный переворот генерала Ас-Сиси, ставшего президентом, смог удержать Египет в рамках более-менее приемлемого для прогрессивной части общества социального устройства и спасти от погружения в архаику. При этом любопытно отметить то, что Египет в период разворачивания исламизации демократически избранным правительством президента Мухаммеда Мурси отмечен более высоким рейтингом демократии, тогда как последующее правление Ас-Сиси – более низким¹.

В этой связи нельзя не заметить известного американского политолога Фарида Закарию, который напоминает о разделении в историческом времени конституционного либерализма и демократии как реализации всеобщего избирательного права.

«Только в конце 1940-х годов большинство стран Запада стали полноценными демократиями с всеобщим избирательным правом для совершеннолетних. Но за сто лет до этого, в конце 1840-х годов, большинством этих стран были усвоены важные аспекты конституционного либерализма – правление закона, права частной собственности и – во все большей степени – разделение властей и свобода слова и собраний. На протяжении значительного промежутка времени в новой и новейшей истории отличительным признаком правительств Европы и Северной Америки была не демократия, а конституционный либерализм. Лучшим выражением “западной модели” служит не массовый плебисцит, а беспристрастный суд» [Закария, 2004. С. 58–59].

¹ В 2013 г. после победы президента-исламиста Мурси Египет был объявлен неправительственной организацией «Фридом хаус» частично свободной страной [Freedom in the World, 2013]. В 2017 г. он находился в категории несвободных стран [Freedom in the World, 2017]. Очевидно, что эксперты «Фридом хаус» оценивают демократию лишь как процедуру, игнорируя ее исход.

Закария делает вывод о том, что «конституционный либерализм привел к демократии, но демократия, по-видимому, не приводит к конституционному либерализму» [Там же. С. 59]. К этому стоит добавить, что демократия может и разрушить казалось бы утвердившийся в ходе постсоциалистического реформирования конституционный либерализм даже в Европе, о чем наиболее ярко свидетельствует пример Венгрии [Мадьяр, 2016]². По пути Венгрии в последние годы следует и Польша³. В этих странах демократия последовательно «пожирала» либерализм, отдавая на выборах власть тем силам, которые разрушают верховенство права, независимость юстиции, да и систему разделения властей в целом со всеми ее сдержками и противовесами.

Однако и страны с традиционным, многолетним и устойчивым конституционным правлением испытывают большие сложности. Теория общественного выбора устами лучших своих представителей неоднократно и давно выражала озабоченность экономическими последствиями «демократии без оков». Дж. Бьюкенен, как хорошо известно, на протяжении многих лет выступал за конституционные ограничения экономической политики, подчеркивая наличие «электорального заблуждения»⁴. Причем избиратель никогда не рассматривался этой теорией как эффективный актор: достаточно вспомнить идущую еще от Энтони Даунса [Downs, 1957] концепцию рационального неведения избирателя⁵ или же впервые отмеченное все тем же Бьюкененом [Buchanan, 1954] голосование как самовыражение избирателя (теория экспрессивного голосования)⁶.

Заложенная в самом институте ничем не ограниченного всеобщего избирательного права безответственность массового избирателя вкупе со стремлением политиков «въехать» на ней во власть и удерживаться там как можно дольше порождает в развитых демократиях популистскую экономическую политику, воплощающуюся, к примеру, в широком

² В докладе «Переходные страны», выпущенном организацией «Фридом хаус» в 2018 г., кризис конституционного либерализма в этой стране лучше всего демонстрирует нанесенный ущерб верховенству права на основе динамики показателя «правовая среда и независимость юстиции» (низший балл – 7, высший – 1): его падение в Венгрии по сравнению с достигнутым пиком в 2009 г. (1,75) составило 1,25 балла [Nations in Transit, 2018a]. Экспертами «Фридом хаус» эта страна все еще помещается в разряд так называемых полуконсолидированных демократий [ibid.], но если судить по книге венгерского социолога Балинта Мадьяра [Мадьяр, 2016], то ее место, как минимум, в категории гибридных режимов, а, возможно, даже и среди полуконсолидированных автократий.

³ После прихода к власти партии «Право и справедливость» в 2015 г. показатель «правовой среды и независимости юстиции» потерял в Польше также 1,75 пункта, снизившись с 2,5 в докладе 2015 г. до 4,25 в докладе 2018 г. [Nations in Transit, 2018b].

⁴ «Однако логическая ошибка политической мысли XIX и XX вв. содержалась в предположении, что требования избирателей сами по себе являются достаточной мерой для осуществления контроля над левиафановскими наклонностями правительства и что пока существуют конституционные гарантии свободных периодических выборов, можно будет контролировать диапазон и интенсивность правительственной деятельности» [Buchanan, 1984. P. 20]. К этому стоило бы добавить, что «свободные периодические выборы» в известных обстоятельствах как раз и открывают путь к наступлению государства-Левиафана.

⁵ «В общем смысле, “рациональное неведение” относится к любой ситуации, где индивиды знают мало или ничего, поскольку ожидаемые выгоды от знания пренебрежительно малы» [Caplan, 2004b. P. 468]. В случае с избирателем его рациональное незнание о политике обусловлено крайне низкой вероятностью подать решающий голос, – голос, который будет результативным для исхода выборов. Этот факт снижает ожидаемые выгоды от персонального участия в голосовании практически до нуля и, как следствие, порождает незаинтересованность в затратах на сбор информации.

⁶ «Теория экспрессивного голосования утверждает, что, когда имеет место относительно низкая вероятность подать решающий голос, индивиды выберут участие в голосовании как акт экспрессивного поведения, часто голосуя по идеологическим или моральным соображениям за то, что может считаться политической во имя “общественного блага”, которая, очевидно, идет вразрез с собственным узким персональным интересом» [Sobel, Wagner, 2004. P. 246]. После первых предположений Бьюкенена теория экспрессивного голосования была развита Гордоном Таллоком [Tullock, 1971] и получила свой завершённый вид в книге Джеффри Бреннана и Лорена Ломаски [Brennan, Lomasky, 1993].

распространении клиентелизма в системе государства благосостояния⁷. Это делает отягощенные бременем этих государств экономики менее динамичными и в то же время очень привлекательными для мигрантов, среди которых благодаря государственной благотворительности попутно производится отбор худших. Конституционный либеральный порядок подрывается здесь не разовым голосованием за радикалов, как в случае с утверждением религиозного фундаментализма в странах арабского Востока и им подобных, а постоянно воспроизводимыми актами легальной «покупки» голосов избирателей политиками через многочисленные существующие и вновь создаваемые каналы перераспределения.

Теория общественного выбора в ее исходном («бьюкененовском») понимании – это, по сути, учение о провалах государства. Революция теории общественного выбора как раз и заключалась в переносе акцента с провалов рынка на провалы государства [Lemieux, 2004]. Поскольку же, как отмечает Деннис Мюллер, практически все представители школы общественного выбора жили в демократических странах и, как результат, демократические системы представляли для них главный интерес [Mueller, 2003. P. 406)], то исследуемые ими провалы государства – это ни что иное, как провалы демократии.

Вызов традиционным воззрениям не остался без ответа со стороны чикагской школы политической экономии. Дональд Уиттман встал на защиту эффективности демократии и электоральных решений, опубликовав в 1989 г. ставшую широко известной статью «Почему демократия приносит эффективные результаты?» [Wittman, 1989]. В дальнейшем идеи, положенные в ее основу, были развернуты в книгу [Wittman, 1995]. В более кратком изложении они были представлены в статье, опубликованной в «Энциклопедии общественного выбора» [Wittman, 2004].

Главным противником развиваемых Уиттманом взглядов на свободный электоральный выбор как оптимальный стал выдающийся представитель виргинской школы теории общественного выбора Чарльз Роули. Реакцией на упомянутую выше статью Уиттмана была написанная совместно с Мишелем Вачрисом работа «Экономика змеиного масла против общественного выбора» [Rowely, Vachris, 1993]. На книгу же Уиттмана они ответили статьей «Почему демократия не обязательно приносит эффективные результаты?» [Rowely, Vachris, 1995]. Далее Роули развивал свою аргументацию в критической рецензии на эту книгу [Rowely, 1997] и, наконец, опять же вместе с Вачрисом в «Энциклопедии общественного выбора» [Rowely, Vachris, 2004], на страницах которой они продолжили свой спор с Уиттманом.

Первая и вторая части данной статьи как раз и посвящены основным аргументам и контраргументам в этой дискуссии. Однако на этом полемика не закончилась. Новым шагом в развитии учения о неэффективности демократии стали работы представителя все той же виргинской школы теории общественного выбора Брайана Каплана. Он стал автором ряда статей на тему о «рационально иррациональном» поведении избирателей [Caplan, 2000, 2001a, 2001b, 2001c, 2002a, 2002b, 2003, 2004c] и завершил исследование изданием широко известной книги «Миф о рациональном избирателе» [Caplan, 2007]⁸. Со стороны Уиттмана эта новая концепция виргинской школы не осталась незамеченной. Имела место непосредственная дискуссия между Капланом и Уиттманом [Caplan, 2005a, 2005b; Wittman 2005a, 2005b]. О ней и пойдет речь в третьей части данной статьи.

В заключении представлено развитие взглядов на кризис демократии как кризис всеобщего избирательного права и предлагаемые попытки выходов из него.

⁷ Немецкий экономист Фридрих Хейнеманн зафиксировал упадок морали в длительном временном периоде как следствие развития институтов государства благосостояния: жизнь на пособия все меньше стигматизируется и все больше расценивается как нормальное экономическое поведение. В результате это ведет в перспективе к саморазрушению данной модели общественного устройства [Heinemann, 2008]. Более новые исследования полностью подтверждают выводы о разрушительном влиянии пособий на стимулы к труду в ряде европейских стран [Tanner, Hughes, 2015].

⁸ В русском переводе [Каплан, 2012].

Эффективная демократия чикагской школы

В России до сих пор чикагская школа отождествляется с Милтоном Фридманом и рыночным фундаментализмом. На самом деле реальность иная; можно даже утверждать, что совсем иная. Эта школа настолько эволюционировала в сторону апологетики существующего порядка вещей, что, как отмечают ее критики, впала в «панглоссианский грех»⁹ [Rowley, 1997. Pp.16, 23]. От идеализации рынков представители школы перешли к идеализации политических рынков, которые описывали по образу и подобию модели совершенной конкуренции. А раз так, то критика устоявшейся политики бессмысленна, поскольку если бы в политической сфере появилась неэффективность, то она долго не просуществовала бы: кто-то тут же непременно заметил бы это и предпринял шаги по извлечению собственных выгод из восстановления политического равновесия. Вполне очевидно, что здесь применительно к сфере политики заимствуется традиционная неоклассическая догма о неперменной исчерпанности всех потенциальных выгод в обмене в высоконкурентной среде¹⁰.

В полной мере этой методологической установки придерживается и Уиттман. «В лучших чикагских традициях Уиттман утверждает, что то, что есть, и является эффективным. Если бы это было не так, то тогда было бы возможно увеличить эффективность какой-либо конкретной правительственной программы в паретианском смысле...; повышающее благосостояние изменение уже было бы воплощено, ибо сделать это в чьих-либо своих корыстных интересах. Провалы государства, следовательно, только “миф” или, по крайней мере, политические провалы в общественном секторе не более серьезны, чем провалы рынка в частном секторе» [Shugart, Razzolini, 2001. P. XXVIII]. С какими же конкретно концепциями провала государства не согласен Уиттман?

Начнем с его возражений против рационального неведения избирателя. Первое, на что он здесь обращает внимание, так это на то, что затраты на получение избирателем необходимой ему информации сильно преувеличиваются. Утверждается, что основная часть этих затрат падает не на самого избирателя, а на «политических предпринимателей»: именно они заинтересованы донести информацию до него подобно тому, как конкурирующие фирмы заинтересованы посредством рекламы доставить информацию о достоинствах своего продукта до потенциальных покупателей. «Другие политические акторы – такие как политики, журналисты, и группы интересов, – имеют стимулы компенсировать отлынивание избирателей: собирать информацию за них и направлять им ее как бесплатный дар» [Caplan, 2005b. P. 5].

Затем Уиттман утверждает, что объем знаний, необходимый массовому избирателю, очевидно завышен. «Точно также, как люди могут проконсультироваться у своих докторов о том, какие таблетки им принимать, а не становиться экспертами в области медицины, они могут спросить у пользующихся их доверием, но знающих друзей, каким образом им голосовать» [Wittman, 2004. P. 187]. Информацию (кроме «знающих друзей») предоставляют также партийные бренды и репутация политиков. Важную роль могут иметь и общественные организации (например, любитель охоты обратится к мнению Национальной ружейной ассоциации). Кроме того, избиратель в состоянии взглянуть на список спонсоров избирательной кампании кандидата с тем, чтобы сделать вывод о его позиции. «Поддержка

⁹ Персонаж из вольтеровского «Кандида» учитель «метафизико-геологико-космогонии» Панглосс постоянно заявлял, что ничто не может быть лучше, потому что мы живем в лучшем из миров.

¹⁰ Среди экономистов на тему всегдашней исчерпанности выгод популярна такая притча: идут маститый профессор чикагской школы и его аспирант по улице и вдруг последний замечает 100-долларовую банкноту на тротуаре. Аспирант нагибается и хочет ее поднять, но профессор говорит ему: «Брось! Она же не настоящая. Если бы она была настоящей, то ее обязательно поднял бы кто-то до нас». Идеологию чикагской школы в результате описывают одной короткой и образной фразой: «Нет 100-долларовых банкнот на тротуаре».

группой интересов подобна рыночным сигналам и обеспечивает надежные подсказки относительно предпочтений кандидатов» [Wittman, 1989. P.1401].

Выдвигается также тезис о том, что быть не информированным, не означает иметь искаженные предпочтения. Так, избиратели могут не иметь представления о расходах, вытекающих из политических сделок типа «бочонок с салом»¹¹, но это совсем не означает, что они их в среднем недооценивают, а не переоценивают. Тем самым односторонне искаженные представления исключаются. Отсюда «ни отсутствие информации, ни искаженная информация не ведут к иррациональным ожиданиям» [ibid. P.1402]. Это вытекает из закона больших чисел.

Закон этот описывается следующим образом: пусть 60% голосующих невежественны и не знают, хорош или плох контроль цен на бензин. Они голосуют случайным образом, вроде как бросая монетку. В то же время 40% читали учебник экономики и знают о негативных последствиях такой политики. Если они проголосуют на референдуме против нее пусть не в 100%, но хотя бы в 90% случаях, то ограничение цен не получит поддержки большинства [Wittman, 2004. P.187]. Это явление называется чудом агрегации. Каплан доводит аналогичный пример до крайней ситуации, когда 99% невежественных голосуют совершенно случайным образом (следовательно, их голоса делятся в пропорции 50 на 50), а решающим является позиция 1% умных избирателей, которые и определяют исход выборов [Каплан, 2012. С.22]. Таким образом, невежественный электорат как бы не имеет значения¹². Демократия и всеобщее избирательное право эффективны, так как, в конечном счете, все решает умная часть электората, пусть она и в явном меньшинстве.

Доводимая до избирателя искаженная информация не столь негативна для качества выбора еще по одной причине. Согласно Уиттману массовый избиратель не запутывает себя вопросами, связанными с выбором в пространстве многомерных проблем, а просто делит мир на правых и левых, сводя все многообразие в одно измерение. Соотнося себя с теми или другими, он делает свой выбор. Поэтому теорема о медианном избирателе работает безотказно¹³. «Одномерная пространственная модель, которую он (Уиттман. – А.З.) разворачивает, – пишет Роули, – не отражает сложность пространственной политики» [Rowley, 1997. P. 19]. В дальнейшем Уиттман не отказывается от своего упрощения, но связывает выбор в пользу медианного избирателя с деятельностью групп интересов¹⁴.

Ставится под сомнение распространенное убеждение, что в политической сфере должно быть больше пространства для оппортунистического поведения, чем на частных рынках. Для Уиттмана политические партии – аналог франчайзинга в экономике: они следят, чтобы выступающие от их имени вели себя должным образом, выполняя, в том числе, и предвыборные обещания, поскольку от этого зависит репутационный капитал партии. Партии обеспечивают продвижение успешных политиков с одного уровня власти

¹¹ Примером сделки «бочонок с салом» (*pork-barrel deal*) может быть ситуация, когда, скажем, политики из американских аграрных штатов, заинтересованные в субсидиях фермерам, могут предложить политикам из другого штата поддержать их стремление получить финансирование, например, на строительство нового аэропорта в обмен на голосование за субсидии. Это – разновидность логроллинга, ведущая в итоге к потерям общественного благосостояния из-за прохождения неэффективных программ и проектов.

¹² Далее, в третьей части статьи будет показано, почему Каплан не принимает этот аргумент Уиттмана, хотя известно, что чудо агрегирования работает в экономике, например, на финансовых рынках.

¹³ Известно, что наличие однопиковых предпочтений гарантирует победу или, как минимум, отсутствие поражения занимающему медианную позицию избирателю, но лишь при выборе в единственном измерении. В двухмерном пространстве выбора для действия теоремы требуется дополнительное условие в виде строго симметричного распределения предпочтений голосующих. В трех- и более мерном пространстве выбора теорема о медианном избирателе не выполняется в силу невозможности избавиться от цикличности [Conglton, 2004. P. 385].

¹⁴ Доказывается, что одобрение группой интересов кандидата ведет к активизации избирателей (к явке на выборы как его сторонников, так и противников) и, как результат, смещению медианного голосующего ближе к позиции медианного избирателя [Wittman, 2009].

на другой, более высокий. Они способны предотвращать известный оппортунизм последнего срока, предлагая привлекательные должности после отставки. Политическая конкуренция несет в себе угрозу потери выборного поста, которая аналогична угрозе захвата (*takeover*) конкурентом фирмы в частной экономике. По этой причине также снижается оппортунизм. При этом входные барьеры на политическом рынке значительно ниже, чем на экономическом: кандидату с лучшими идеями не надо платить за захват наивысшую цену, напротив, избиратели сами будут охотно голосовать за него. В итоге «при оптимально составленных контрактах, мониторинге, репутациях и конкуренции, оппортунизм будет снижен, хотя и не устранен» [Wittman, 1989. P.1399].

И, наконец, вопрос о трансакционных издержках в политике. Согласно Уиттману демократические рынки организованы таким образом, что сокращают их. Например, правило большинства, в отличие от правила единогласия, предотвращает затягивание переговоров и, тем самым, понижает издержки их ведения. Малый размер представительных органов также уменьшает эти издержки и может способствовать формированию эффективных коалиций внутри них [ibid. P.1403]. Таким образом, «политические институты снижают трансакционные издержки, поощряя тем самым эффективный обмен политическими правами» [ibid. P. 1396].

Уиттман в итоге формулирует то, что он называет «первой теоремой демократической политики» (по аналогии с первой теоремой благосостояния): «демократическое равновесие будет эффективным» [Wittman, 2004. P. 187]. Кандидаты хотят максимизировать количество голосов, а избиратели голосуют за того кандидата, который обеспечит им наивысшую полезность. Политическая конкуренция предполагает парето-улучшение: если один кандидат может предложить основной массе избирателей столько же, сколько и другой, но больше нескольким избирателям или даже одному из них, то более «нагруженная» платформа имеет большую вероятность выиграть выборы [ibid.]. Отсюда теорема утверждает, что «демократии выберут такую экономическую систему, которая максимизирует благосостояние» [ibid.]. Причем для этого они найдут оптимальное сочетание политики и экономики¹⁵.

Все это не означает, что политический рынок «совершеннее», чем рынок в обычном экономическом понимании. Уиттман с самого начала заявлял, что «политический и экономический рынки оба работают хорошо» [Wittman, 1989. P. 1395]. Иначе говоря, оба они эффективны. Своей же задачей он видел «излечить шизофрению, с которой сталкиваются многие экономисты: экономические рынки работают хорошо, а политические рынки работают плохо» [ibid. P. 1396].

Ответ виргинской школы

Противостоящие доктрине «эффективной демократии» представители виргинской школы политической экономии не захотели избавиться от «шизофрении» по Уиттману и сосредоточили свою критику на трех аспектах его теории. Во-первых, ими отмечалось, что в отличие от рынков частных благ, на политических рынках потребитель в лице избирателя имеет дело с так называемыми неделимостями (*indivisibilities*): порой сотни разных вопросов увязываются в один общий пакет (программу). Это предъявляет высокие требования к информированности избирателя и одновременно ослабляет сигналы, посылаемые политикам даже хорошо осведомленными избирателями (неясно, за что конкретно они голосуют). В результате здесь, вопреки мнению Уиттмана, «невозможно точно расставить

¹⁵ «...Демократические правительства отведут экономическим рынкам такие задачи, в которых экономический рынок наиболее эффективен» [Wittman, 1989. P. 1421].

кандидатов в многомерном пространстве поднятых вопросов, опираясь только на их партийную принадлежность или относительное положение на континууме левые-правые» [Rowely, 1997. P.19]. Вдобавок еще один критик Уиттмана, – Дональд Бодро, – отмечал, что избиратели, в отличие от покупателей на рынке, обладают крайне редкими возможностями сигнализировать о своих предпочтениях тем, кто их представляет: в США избиратель за 6 лет четыре раза бросает бюллетень на общенациональных выборах [Bodreaux, 1996. P. 117]. Понятно, что на экономических рынках такое сигнализирование есть, в сущности, непрерывный процесс потока информации.

Таким образом, теоретики общественного выбора не только не снимали, подобно Уиттману, проблему информации с политических рынков, но, напротив, специально подчеркивали особую их уязвимость к ее нехватке и присущие только им недостатки каналов ее передачи. Они постоянно напоминали, что политические рынки характеризуются рациональным неведением и ограниченной рациональностью [Rowely, Vachris, 1993, 1995].

Во-вторых, виргинская школа видит в принципиально ином свете роль групп интересов, конкуренцию и трансакционные издержки на политических рынках. Если для чикагцев в соответствии с берущей начало еще от Гэри Беккера [Becker, 1983] традицией «конкуренция групп интересов с большой вероятностью вынуждает политическую сферу к эффективным решениям» [Munger, 2004. P. 310], то для виргинцев все ровным счетом наоборот: «Давление групп интересов служит не только для информирования политических рынков, но и для сдвига политических результатов от предпочитаемой медианным избирателем позиции» [Rowely, Vachris, 2004. P. 192].

Что же касается собственно политической конкуренции, то здесь оппоненты Уиттмана отмечают склонность к сговорам между политическими партиями. Если же такового нет, то ситуация, тем не менее, все равно далека от конкурентной. Часто преобладает ситуация дуополии (двух ведущих партий), которая закрепляется делавшимися ранее в течение длительного времени безвозвратными затратами (*sunk costs*) на их имидж. Так что выйти на этот рынок новичку не так-то и просто. Содействуют этой дуополии и выборы по правилу относительного большинства (“*first-pass-the-post*”). И, главное, в силу отмеченных выше «неделимыхостей» конкуренция часто не работает на нужды потребителей (избирателей). Ее результаты «гораздо более принудительны, чем у частных рынков, в том смысле, что многие избиратели, даже в составе большинства, предпочли бы иную политику» [ibid.]. Сторона, представляющая спрос на политических рынках, всегда получает массу товаров и услуг в виде неизбежной «нагрузки» к действительно востребованным благам. Таким образом, невозможно говорить, что такая конкуренция приносит максимизацию благосостояния, а, следовательно, и о заявленной Уиттманом «первой теореме демократической политики».

Многие конфликты на политическом рынке могли бы решаться через взаимные договоренности, если бы не высокие трансакционные издержки. Это можно показать на следующем условном примере. Допустим, в некоем сообществе проводится референдум по вопросу о введении специального налога на плату, взимаемую за аренду жилых помещений. При этом собираемый налог будет маркированным: он целиком пойдет на субсидии арендаторам жилья. Если сторонники налога победят, то потери собственников жилья составят \$600 тыс. в год, а выигрыш его нанимателей – \$500 тыс. (разница получается за счет издержек налогообложения). Арендаторы могли бы предложить договориться: мы не поддерживаем налог, зато вы добровольно передаете нам \$550 тыс. Таким образом, каждая из сторон выиграла бы по \$50 тыс.

Понятно, что трансакционные издержки организации такой сделки будут настолько высоки, что потенциальное парето-улучшение не состоится. И тут мы подходим к самому главному тезису противников теории эффективной демократии. Он, в частности, раскрывает нам, почему коузианские сделки (типа той, о которой шла речь в приведенном выше

условном кейсе) в политике неосуществимы. И, в целом, объясняет, почему политические рынки всегда будут уступать по своей эффективности экономическим, даже если допустить, что с помощью первых можно «вылечить» некоторые провалы последних.

Третьим и главным контраргументом представителей виргинской школы стало указание на то, что на политических рынках отсутствуют права собственности. «Законодатели и бюрократы, в общем случае, не имеют легального способа заполучить какое бы то ни было увеличение богатства нации, вытекающее из их активности на политических рынках. Они не могут легко передавать такие усеченные права, которыми они временно располагают. Они не имеют доступа к системе связывающих обязательств, сравнимой с контрактным правом на экономических рынках» (Rowely, 1997. P.20).

Отсюда вытекают следующие провалы политических рынков:

а) невозможность распределять через них ресурсы в пользу того, кто докажет свой потенциал в деле обеспечения наиболее результативного их применения (на экономическом рынке это доказательство основано на предложении за ресурс наивысшей по сравнению с конкурентами цены; на политическом рынке в этом случае говорят о коррупции, которая объявлена вне закона);

б) незаинтересованность политиков и бюрократов в повышающей стоимость активов управлении, особенно с расчетом на длительный период (они, не будучи акционерами «государства инкорпорейтед», не участвуют в «прибылях» и, тем более, не могут передать активы наследникам);

в) невозможность коузианских сделок.

На последнее обстоятельство, кстати, обратил особое внимание известный экономист Дарон Асемоглу, статья которого так и называлась: «Почему нет политической теоремы Коуза? Социальный конфликт, обязательство, и политика» [Acemoglu, 2003]. В ней он писал, что в основе исполнения теоремы Коуза лежит возможность составить обладающий принудительной силой контракт. Однако в политике такое не удастся¹⁶. Государство не может быть контролером самого себя, а третьей силы, которая теоретически могла бы гарантировать выполнение им контрактных обязательств, нет по определению.

По причине отсутствия легальных прав собственности на политических рынках они становятся «кормовой площадкой битв за перераспределение богатства» [Rowely, Vachris, 2004. P.193]. И, как результат, «даже если демократические правительства перераспределяют богатство эффективно, они делают это путем разрушения основы создания богатства в обществе» [ibid.]. Этой же основой, как легко догадаться, являются легальные права собственности, обеспечивающие работу и, главное, свободу экономических рынков, которая открывает перспективы для предпринимательства и инноваций. Многолетнее затухание роста экономик ЕС и, особенно, стран еврозоны, их инновационное бесплодие – лучшее свидетельство победы политических рынков, демократии, над экономикой, которой так опасались теоретики виргинской школы политической экономии¹⁷.

¹⁶ «Контракты, которые государство, или контролирующая его социальная группа захотели бы подписать с другими, например, с гражданами, были бы по определению не принуждаемыми к исполнению, поскольку контролирующая государство группа не могла бы взять на себя обязательство не пренебрегать своими обещаниями и не изменять условий контракта. Следовательно, наделение политической властью создает неотъемлемую проблему с обязательствами, которая подавляет потенциал достижения эффективных результатов» [Acemoglu, 2003. P.622].

¹⁷ Небезынтересно обратить внимание на то обстоятельство, что истории успеха некоторых стран можно связать и с тем, что в них действительно имеет место соединение политической власти с участием в доходах от управления активами страны. В Сингапуре самые высокие в мире зарплаты работников общественного сектора привязаны к демонстрируемым страной экономическим результатам. Его можно рассматривать как государство-корпорацию. [Salter, 2015. P. 732]. В глобальном рейтинге экономических свобод по данным за 2015 г. (доклад Института Фрезера «Экономическая свобода мира», выпущенный в 2017 г.) Сингапур занимает 2-е место, Две ключевые страны ЕС и зоны евро – Германия и Франция, – занимают 23-е и 52-е места, соответственно [Gwartney, Lawson, Hall, 2017].

Дебаты об эффективности демократии на рубеже веков привлекли внимание и представителей современной австрийской школы. Даниэл Саттер полагал, что в этом противостоянии к австрийской школе ближе позиция виргинской политической экономии, поскольку, подобно ей, приводя аргументы о неэффективности политики, связанные с ней экономисты больше рассматривают политику как процесс в противовес упору на политическое равновесие со стороны чикагской школы [Sutter, 2002]. И он был одним из первых, кто обратил внимание на только что появившуюся в то время концепцию рационально иррационального поведения избирателей Каплана, которая объясняет, почему политические предприниматели могут быть куда успешнее в одурачивании избирателей, чем предприниматели на рынке в обмане потребителей (Ibid. P.206).

Вызов виргинской школы: рациональная иррациональность избирателей

Представленные выше соображения Роули и Вачриса о природе неэффективности демократии касались, в том числе, и особенностей поведения избирателей в свете теории их рационального неведения. Каплан сделал в этом плане существенный шаг вперед, заменив рациональное неведение рациональной иррациональностью избирателя. Этот поворот значительно усилил анализ провалов демократии. Избиратель предстал не жертвой собственного незнания, а жертвой собственных неверных убеждений, которые руководят его действиями на избирательном участке. Следование им при подаче голосов и означает иррациональность.

В основе концепции Каплана лежит проведенное им различие между неведением и иррациональностью. Неведение отождествляется со случайным шумом (*random noise*). В теории рациональных ожиданий, когда речь заходит, например, об ожидаемой инфляции, то предполагается, что работники предвидят будущую инфляцию плюс $\varepsilon \sim N(0, \sigma^2)$, где в скобках нормально распределенная ошибка со средним нулевым значением и стандартное отклонение (σ). Если средняя ошибка не равна 0, то в таком случае нельзя говорить о рациональных ожиданиях; они – иррациональные [Caplan, 2005a. P. 4]. Таким образом, иррациональность – это систематическое отклонение.

Отклонение от чего? И тут предлагаются два измерителя. Один – это отклонения от объективных показателей. Так, согласно Каплану избиратели при опросах систематически завышают долю помощи зарубежным странам в федеральном бюджете США. Второй измеритель – это устойчивое отклонение общественного мнения от воззрений экономистов по наиболее общепризнанным в экономической теории вопросам. Тут Каплан называет несколько массовых предубеждений, среди которых антирыночные предубеждения (например, широкая поддержка контроля цен), предубеждения против иностранного (например, поддержка протекционизма) и др. [Каплан, 2012. С.53]¹⁸.

Следующий принципиально важный момент: надо объяснить устойчивость этих предубеждений. Почему, несмотря на их явную ошибочность, они, как говорится, «не проходят». И здесь на помощь приходит тезис о практически нулевой вероятности стать так называемым решающим голосующим: оказать своим голосом результативное влияние на исход выборов. А раз так («мой голос ничего не решает»), то можно дать волю

¹⁸ Небезынтересно заметить, что кроме данных из социологических опросов Каплан приводит мнение знакомого бизнесмена, который считал, что все проблемы американской экономики можно решить посредством двух мер: а) введением морской блокады Японии; б) возведения берлинской стены на границе с Мексикой (Каплан, 2012. С.61). В этой связи победа Дональда Трампа на президентских выборах в США в 2016 г. не должна вызывать удивления: предубеждения бизнесмена (и, наверное, не только одного бизнесмена) стали пунктами его популистской программы (вот только место Японии занял Китай).

своим предубеждениям и голосовать в соответствии с ними, получая от этого психологическую выгоду. Выгода эта превышает издержки, так как цена неверного решения для каждого индивида в отдельности крайне низка, а то и вовсе отсутствует (она умножается на ничтожную вероятность стать решающим голосующим). Каплан представил эту модель графически (рис.) [там же. С. 184].

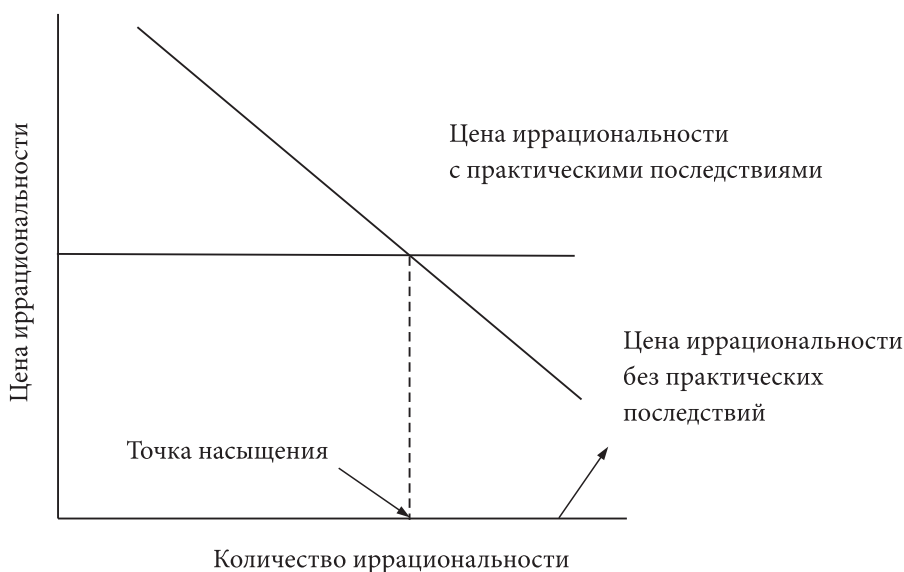

Рис. Спрос избирателей на иррациональность

Если на рынке частных благ цена (издержки) иррациональности имеет негативные практические последствия, то спрос на нее невелик. Сталкиваясь с далеко ненулевыми издержками такого поведения, рыночный актер учится поступать рационально. Другое дело – на политическом рынке, где избиратель персонально практически не несет издержек иррациональности. В этом случае он дойдет до точки насыщения¹⁹. «Взгляды, которые иррациональны с точки зрения поиска истины, рациональны с точки зрения индивидуальной полезности» [Там же. С. 195].

Гипотеза о своекорыстном избирателе не работает. Опять же в силу все той же нулевой вероятности оказаться решающим голосующим. Состоятельные люди могут проголосовать за повышение налогов и расширение социальных программ, что будет стоить им больших денег. Однако они знают, что их голос ничего не значит для исхода общественного выбора. Поэтому они могут проголосовать «за», получив психологическую выгоду от собственной социальной ответственности, одобрения окружающих и т.п.

Как же существует такая система, где всеобщее избирательное право дает возможность голосовать за любую глупость? Каплан видит относительную стабильность демократии в двух факторах. Во-первых, отчасти в оппортунистическом поведении политиков, которые не выполняют наиболее одиозные пункты собственных программ. Политик осознает, что избиратель возложит всю вину за плохие последствия их исполнения не на собственные фантазии, а на него. Поэтому он ищет компромисс между рациональной политикой и пожеланиями избирателей. «...Если бы рядовые граждане получали все то, за что они голосуют, проводимая политика была бы намного хуже» [Там же. С. 225].

Во-вторых, Каплан полагает, что ее устойчивости способствует воздержание от голосования, неучастие в нем. По его мнению, медианный избиратель более экономически грамотен, чем медианный гражданин [Там же].

¹⁹ «Поскольку бредовые политические идеи бесплатны, избиратель будет их потреблять до тех пор, пока не достигнет своей “точки насыщения”, исповедуя те взгляды, какие ему нравятся» [Каплан, 2012. С. 184].

Иррациональность избирателя есть источник негативных экстерналий. «Политическая иррациональность подобно загрязнению воздуха. В обоих случаях частные выгоды от самоограничения в основном равны нулю. Если вы становитесь более рациональным избирателем, то политика, при которой вы живете, существенно не улучшается, точно также как воздух, которым вы дышите, заметно не улучшается, если вы водите машину меньше. Но когда достаточно избирателей или водителей принимают эгоистически оптимальное решение, общий результат может быть неэффективным, а, возможно, и катастрофическим» [Caplan, 2005a. P. 17]. Фактически это означает приравнивание всеобщего избирательного права к загрязнению окружающей среды. Каждому свободно допущенному до бюллетеня избирателю собственные фантазии (мании, фобии) дороже (ценнее) реальности, а в итоге издержки следования «наказам избирателей» ложатся на всех, включая, естественно, и немногих рациональных. Если политик-популист в точности исполняет волю его избравших, то, как правило, получается то, что специалисты в области IT называют «мусор на входе – мусор на выходе».

Вступив в полемику с Капланом, Уиттман несколько смягчает свою позицию относительно иррациональности избирателя [Wittman, 2005a; 2005b]. Это обстоятельство Каплан использует для утверждения о непоследовательности оппонента; считает, что тот стал агностиком в этом вопросе [Caplan, 2005b. P. 167]. И заключает, что «если он агностик относительно рациональных ожиданий, он должен быть агностиком относительно эффективности демократии» [ibid. P. 169].

Уиттман действительно отклоняется от признанного определения рациональных ожиданий, которому, как было отмечено выше, привержен Каплан. Он предполагает, например, что таковыми они могут быть, если ближе к истинному значению, чем в случае равномерного распределения всевозможных иррациональных оценок. Если, например, оценивается доля расходов федерального бюджета США на помощь зарубежным странам, то среднее значение из такого распределения оценок, допустим, будет 50%. Если же полученная впоследствии в результате опроса средняя цифра окажется 10%, то, как полагает Уиттман, «это свидетельство более согласуется с рациональными ожиданиями, чем с моделью иррациональных ожиданий» [Wittman, 2005a. P. 28]. И это, несмотря на то, что реальная цифра 1%. Но ведь 10% ближе к таковой, чем 50%.

Каплан пытается показать абсурдность такого понимания рациональных ожиданий. И приводит в связи с этим такой довод: если он, Каплан, возомнит, будто его личный доход составляет 24% от мирового дохода (что превышает реальную цифру на порядок в сотню миллионов), то это, по Уиттману, окажется рациональным ожиданием, поскольку 24% ближе к реальной цифре, чем 50%. «Это сводит предположение о рациональных ожиданиях к бессмыслице» [Caplan, 2005b. P.168].

Уиттман постоянно стремится показать, что иррациональность наблюдается и в рыночных решениях, что, тем не менее, не приводит экономистов к выводу о неэффективности рынка. В частности, он приводит пример с большими тратами на гомеопатические средства [Wittman, 2005a. P. 26). Каплан в ответ на это утверждает, что «иррациональность – это вопрос степени» [Caplan, 2005b. P. 170]. В масштабах экономики эти траты малы, тогда как иррациональность людей как избирателей приводит к куда большим бесполезным тратам.

Кроме того, если в этом случае Уиттман в определении иррационального поведения на рынке опирается на мнение экспертов, то почему бы и в политике не поступить также? Если эксперты-экономисты почти единодушно считают протекционизм злом, а свободную торговлю – благом, а широкая публика наоборот, то не есть ли это проявление иррациональности? На тезис Уиттмана о том, что против свободной торговли выступают только те, кто несет потери от нее, Каплан обращает вниманит, что приверженность к негативным ее оценкам не связана с этим фактором [Ibid. Pp. 171–172].

Интересно обращение спорящих к нейроэкономике. Уиттман предлагает сканировать мозг и определить, когда задействуются более примитивные его центры: в случае голосования или в случае покупок на рынке [Wittman, 2005a. P. 29]. В ответ на столь оригинальное предложение Каплан напоминает, что разделение когнитивной деятельности мозга функционально. Если, допустим, мы используем «примитивные центры» для формирования политических убеждений, то почему бы не допустить, что они оптимально справляются с этой ролью? Нет оснований отождествлять эти центры с иррациональностью. Однако главное неприятие позиции Уиттмана связано с тем, что животные не придерживаются политических идеологий, следовательно, идеологическое мышление использует присущие только человеку центры мозга [Caplan, 2005b. Pp. 179–180].

При всех своих разногласиях, оба экономиста не жалуют поведенческую экономику. Уиттман называет ее «мешаниной из противоречивых результатов, а не интеллектуальным фундаментом» [Wittman, 1995. P. 38]. Каплан же относится к ней менее негативно (что закономерно, исходя из его позиции в отношении иррационального поведения в политике), но, тем не менее, далек от восторженного ее восприятия. Для него ее основным недостатком является то, что «экспериментальные условия обычно слишком отличны от условий реального мира, чтобы с доверием переходить от одних к другим» [Caplan, 2005b. Pp. 179–180].

Еще одно направление дискуссии – это вопрос о влиянии информации на выбор избирателя. Уиттман придерживается той точки зрения, что люди, твердые в своих предубеждениях (например, противники все той же свободной торговли), остаются таковыми независимо от того, доведена до них верная информация или нет²⁰. Далее он применяет это утверждение к поддержке кандидатов на президентских выборах в США: если сторонники одного из кандидатов узнают, что его позиция по нескольким пунктам программы исходит из ложной информации, то вряд ли этого будет достаточно, чтобы они проголосовали за его оппонента [Wittman, 2005a. P. 24].

В этом аспекте Каплан частично соглашается со своим оппонентом, но замечает, что знания все-таки имеют решающее значение. Приобретая информацию, избиратели меняют свой выбор. Для иллюстрации приводится пример с опросом по поводу желательности повышения минимальной заработной платы: абстрактно эту меру поддержал 81%, но когда в вопрос было включено указание на то обстоятельство, что это повышение снижает количество рабочих мест, число ее сторонников составило лишь 40%, а 57% оказались против [Caplan, 2005b. P.175]. В этой связи стоит заметить, что в одной из статей Каплана приводятся данные о том, что одним из самых важных факторов (на втором месте после роста доходов), сближающих позицию широкой публики с позицией профессиональных экономистов, а, следовательно, согласно его критерию, снижающим степень иррациональности, является уровень ее образованности [Caplan, 2004a. P. 182].

Заключительное слово в дискуссии оставалось за Уиттманом. Стоит выделить два его аргумента. Во-первых, аргумент в пользу рациональных ожиданий медианного избирателя. Он заявил: «Важная роль медианного (или околосреднего) избирателя делает много результатов иррационального голосования? не имеющими значения» [Wittman, 2005b. P. 188]. На чем основано это заявление? Он отмечает, что полностью неинформированные рациональные избиратели воздержатся от участия в голосовании. Есть и неосведомленные иррациональные избиратели, которые голосуют против собственных интересов. В то же время, если число их с одного фланга не превышает существенно их число с другого, то они имеют весьма умеренное влияние на результат. Мы, таким образом, можем ожидать, что будет большое число неинформированных и иррациональных избирателей, но благодаря

²⁰ Это, в частности, подтверждает правоту Каплана в том, что Уиттман в полемических статьях против рациональной иррациональности избирателя стал признавать наличие иррациональности в поведении хотя бы ряда избирателя, чего ранее не делал.

закону больших чисел и определяющему результат голосования медианному избирателю влияние такой иррациональности, похоже, будет незначительным [ibid. P.189].

Далее, обращается внимание на то, что, как уже отмечалось, избиратели-экстремисты справа и слева не изменяют своих предпочтений, дополнительная информация не затронет их подсчет затрат и выгод. Они не заинтересованы в информации. Поэтому «отсутствие информации для многих избирателей не означает провал демократии» [ibid.].

Ведя дискуссию с Капланом, Уиттман обращает внимание на известный факт не тождественности средней оценки медианной. К примеру, расходы на медицину составляют 3% федерального бюджета. Недооценка избирателей этих расходов не превышает 3%, тогда как переоценка может быть 10% и более. Естественно, что средняя может показать существенное завышение. Однако это не коснется оценки медианного избирателя.

Медианный избиратель, в отличие от избирателей-экстремистов, равнодушен к получению дополнительной информации, поскольку его позиция находится в центре политического спектра, он не заиклен на какой-нибудь идее. Потребляя эту информацию, он становится более рациональным. Отсюда «медианный избиратель может иметь рациональные ожидания, даже если много избирателей иррациональны и не информированы, а средний избиратель имеет неправильные ожидания» [ibid.]. Со всей очевидностью, такая аргументация работает на отстаиваемую Уиттманом теорию эффективной демократии.

И, наконец, Уиттман обращается к критике не инструментальных теорий поведения избирателя: как концепции экспрессивного голосования, так и рациональной иррациональности²¹. В них избиратель ведет себя так, как будто его голос не считается. На самом деле, это не так. Избиратель ценит свой голос и ведет себя из расчета, что он имеет значение. В качестве примера приводится нежелание избирателей голосовать за идущего по опросам с большим отставанием на третьем месте кандидата-аутсайдера, даже если его позиция им ближе всего. Они в таком случае не хотят «выкидывать свой голос» и чаще всего отдадут его за одного из двух лидеров, чья позиция ближе к позиции третьего кандидата-аутсайдера. «Это свидетельствует в пользу того, что избиратели инструментально рациональны и против того, что они рационально иррациональны» [Ibid. P.192].

Заключение

Очевидно, что на рубеже веков экономисты развернули дискуссию, значение которой стало ясным только сейчас, когда мы наблюдаем кризис демократического правления в большинстве стран мира. Этот кризис – во многом результат всеобщего избирательного права, которое, как верно сумел увидеть Каплан, есть аналог загрязнения окружающей среды: все могут сбрасывать отходы в форме собственных предубеждений в нее, поскольку она, строго говоря, никому не принадлежит. В результате для экономики возникает эффект подобный известной «трагедии общин». Все имеют свободный доступ на «поляну», которая истощается в силу неумеренной эксплуатации. В развитых демократиях сохраняется крупномасштабное перераспределение, не прекращается дефицитное финансирование государственных расходов, растет государственный долг, и «поляна» со временем плодоносит все хуже и хуже. Поэтому скептический взгляд на демократию распространяется и становится уже хотя бы отчасти нормой. В частности, ее уже не связывают с «хорошим правлением». «...Хорошее правление – не то удобство, которое гарантирует демократия, в теории или на практике» [Данн, 2016. С. 54–55].

²¹ Эти концепции похожи, но только экспрессивное голосование подразумевает, что избиратель знает истину, но сознательно делает эмоциональный выбор вопреки своему знанию; рациональная иррациональность, как было показано выше, также означает эмоциональный характер выбора в русле своих убеждений, но при этом избиратель не имеет представления об истине.

Одними из первых среди современных экономистов на тенденцию неограниченной демократии к саморазрушению обратили внимание теоретики общественного выбора виргинской школы, которые предложили переписать конституции, вложив в них ограничения на демократический произвол в экономике. Однако привыкший требовать у политиков удовлетворения собственных представлений «о том, как надо» рядовой избиратель вряд ли окажется столь дальновидным, что примет решение на каком-нибудь конституционном референдуме ограничить свой суверенитет. Надежды создателей конституционной экономики на столь просвещенный и дальновидный эгоизм масс были, по всей видимости, напрасными. Кроме того, конституции, как показывает практика, не являются «священными коровами»: их положения могут нарушаться в силу принятия выгодных в данной момент политикам решений. Невыполнение Маастрихтских соглашений странами зоны евро – один из недавних примеров.

Представители все той же виргинской школы выявили и главный дефект демократического устройства общества: отсутствие политических прав собственности. В то же время еще более убедительно и последовательно об этом писали неортодоксальные экономисты австрийской школы. В книге Ганса-Германа Хоппе «Демократия: Бог, который потерпел неудачу» переход от монархий к демократии трактуется как переход от правительства в частном владении к правительству в общественном владении и оценивается как упадок цивилизации в силу преобладания текущих интересов у последнего [Hoppe, 2007]. Всеобщее избирательное право рассматривается в том числе и как нарушение прав собственности налогоплательщиков. «...Налогоплательщики вправе контролировать деятельность государственного аппарата путем свободных выборов. Но отсюда вовсе не вытекает, что те, кто не платит налоги и особенно те, кто существует за счет налогоплательщиков, вправе участвовать в выборах» [Четвернин, 2014. С. 204].

Критика всеобщего избирательного права в последнее время ширится. Книга политического философа Джейсона Бреннана «Против демократии» может служить наглядным тому подтверждением. В ней он вслед за Капланом утверждает: «Проблема в том, что всеобщее избирательное право наделяет стимулами принимать политические решения невежественным и иррациональным образом, а затем навязывает эти невежественные и иррациональные решения невинным людям» [Brennan, 2016. P. 8]. Российские экономисты К. Яновский и С. Журавлев называют всеобщее избирательное право всеобщей избирательной привилегией (как право, де факто нарушающее право собственности) и подчеркивают связанные с ним клиентелизм и разрушение морали: «Всеобщее избирательное право не просто дает разовый негативный моральный эффект, но расширено его воспроизводит» [Яновский, Журавлев, 2017. С. 112].

В то же время демократия подвергается критике и слева. Тут смыкаются два направления. Одно из них называет себя республиканизмом. Апеллируя к значению слова «республика» (от латинского *res publica* – общественное дело), его представители призывают к широкому участию народных масс непосредственно в процессе управления. Нужны «равенство доступа к местам в исполнительной, законодательной и судебной власти» и «постоянно действующие каналы прямого участия рядовых граждан в совместной работе с чиновниками» [Хархордин, 2017]. Другое направление провозглашает необходимость так называемой «делиберативной демократии». В России активным ее пропагандистом является известный критик экономического мейнстрима В. Ефимов [Ефимов, 2018]. Она предполагает вовлечение рядовых граждан, затронутых определенной проблемой, в ее обсуждение и участие в принятии решений по этой проблеме. В сущности, и республиканцы, и сторонники делиберативной демократии сходятся в своих требованиях к процессу принятия государственных решений.

Заметим, что пока ни те, ни другие не дали ответа на поставленные Капланом вопросы, не предложили рецептов, как быть с иррациональной рациональностью изби-

рателя. Ведь это качество никуда не исчезнет и при прямом вовлечении масс в управление государством. А главное: возможно ли оно? Есть ли у людей спрос на него или сильнее эффект безбилетника? Да и почему массовое участие в политике наделяется своего рода презумпцией благонамеренности? Только потому, что современные элиты и госслужащие во многом коррумпированы, преследуют посредством государственных решений собственные выгоды? Но кто даст гарантии, что инициативные участники обсуждения и выработки решений «снизу» будут лишены эгоистических мотивов? Или же не будут в силу хотя бы своей неопытности вовлечены в сомнительные политические сделки разного рода, не станут объектами манипуляций? Бреннан пишет по этому поводу: «Политическое участие не является ценностью для большинства людей. Напротив, оно приносит нам мало хорошего, но, вместо этого, имеет тенденцию сводить на нет и коррумпировать нас» [Brennan, 2016. P. 7].

Если левые ищут выход в расширенном участии масс в управлении государством, то правые выступают за его ограничение. Все сводится к той или иной форме ценза. Тот же Бреннан рекомендует заменить демократию так называемой «эпистократией» (властью умных) и анализирует разные варианты реализации последней [Ibid. Pp. 204–230], тогда как несогласный с ним Александр Салтер выдвигает в качестве альтернативы более традиционную и исторически опробованную меру: ограничить право выбора владельцами собственности [Salter, 2017. P. 173]. Яновский и Журавлев не делают конкретных предложений, но полагают, что «ограничение избирательной привилегии возможно и даже необходимо...» [Яновский, Журавлев, 2017. С. 117] При этом «оно должно быть строго формализованным, опирающимся на вневременные моральные ценности» [Нам же]. Можно предположить, что наиболее реалистичным будет просто ввести плату за участие в голосовании, дифференцировав ее в зависимости от уровня избирательной кампании (федеральный, региональный или муниципальный). Но в любом случае возникает вопрос: кто все это сделает? И пока ответ на него повисает в воздухе.

В реальности, конечно, все будет по-другому. Мир не развивается по рецептам экономистов и философов. Однако столь интенсивное обсуждение этой проблемы говорит о том, что он нуждается в довольно радикальных переменах.

ЛИТЕРАТУРА

- Данн Д. (2016). Не очаровываться демократией. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Ефимов В.М. (2018). О двух типах социальных порядков // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–25.
- Закария Ф. (2004). Возникновение нелиберальных демократий // Логос. № 4. С. 55–70.
- Каплан Б. (2012). Миф о рациональном избирателе: Почему демократии выбирают плохую политику. М.: ИРИСЭН, Мысль.
- Мадьяр Б. (2016). Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: На примере Венгрии. М.: Новое литературное обозрение.
- Четвернин В. (2014). Понятие права: конкурирующие парадигмы // Капитализм и свобода: сборник статей. СПб.: Нестор-история. С. 161–205.
- Хайек Ф.А. фон. (2006). Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН.
- Хархордин О. (2017). Свобода не там. Есть ли у России республиканское будущее? republic.ru/posts/88018
- Яновский К., Жаворонков С. (2017). Несколько заметок о моральности всеобщей избирательной привилегии // Экономическая политика. № 6. С. 102–123.
- Acemoglu D. (2003). Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment, and Politics // Journal of Comparative Economics. Vol. 31. Iss. 4. Pp. 620–652.
- Barro R.J. (2013). Democracy, Law and Order, and Economic Growth//2013 Index of Economic Freedom. Washington, D.C.: The Heritage Foundation and Dow Jones & Company, Inc. www.heritage.org/index.
- Becker G.S. (1983). A Theory of Competition Among Pressure Groups for Political Influence // Quarterly Journal of Economics. Vol. 98. No. 3. Pp. 371–400.
- Bodreaux D. (1996). Was Your High-School Teacher Right After All?: Donald Wittman's The Myth of Democratic Failure // The Independent Review. Vol.1. Pp. 111–128.

- Brennan H.G., Lomasky L.E.* (1993). *Democracy and Decision: The Pure Theory of Electoral Preferences*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brennan J.* (2016). *Against Democracy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Buchanan J.M.* (1954). Individual Choice in Voting and the Market // *Journal of Political Economy*. Vol. 62. No. 4. Pp. 334–343.
- Buchanan J.M.* (1984). Politics without Romance: A Sketch of Positive Public Choice Theory and Its Normative Implications // *Public Choice Theory-II* / J.M.Buchanan and R.D.Tollison (eds.). Ann Arbor: The University of Michigan. Pp. 11–22.
- Caplan B.* (2000). Rational Irrationality: A Framework for the Neoclassical-Behavioral Debate // *Eastern Economic Journal*. Vol. 26. No. 2. Pp. 191–211.
- Caplan B.* (2001a). Libertarianism Against Economism: How Economists Misunderstand Voters and Why Libertarians Should Care // *Independent Review*. Vol.5, No.4. Pp. 539–563.
- Caplan B.* (2001b). Rational Ignorance versus Rational Irrationality // *Kyklos*. Vol. 54. No. 1. Pp. 3–26.
- Caplan B.* (2001c). What Makes People Think Like Economists? Evidence on Economic Cognition from the Survey of Americans and Economists on the Economy // *Journal of Law and Economics*. Vol. 44. No. 2. Pp. 395–426.
- Caplan B.* (2002a). Systematically Biased Beliefs About Economics: Robust Evidence of Judgemental Anomalies from the Survey of Americans and Economists on the Economy // *Economic Journal*. Vol. 112. Iss. 479. Pp. 433–458.
- Caplan B.* (2002b). Sociotropes, Systematic Bias, and Political Failure: Reflections on the Survey of Americans and Economists on the Economy // *Social Science Quarterly*. Vol. 83., No. 2. Pp. 416–435.
- Caplan B.* (2003). The Logic of Collective Belief // *Rationality and Society*. Vol. 15. No. 2. Pp. 218–242.
- Caplan B.* (2004a). Economists versus the Public on Economic Policy // *The Encyclopedia of Public Choice* / C.K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 180–183.
- Caplan B.* (2004b). Rational Ignorance // *The Encyclopedia of Public Choice* / C. K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 468–470.
- Caplan B.* (2004c). Rational Irrationality // *The Encyclopedia of Public Choice* / C. K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 470–472.
- Caplan B.* (2005a). From Friedman to Wittman: The Transformation of Chicago Political Economy // *Econ Journal Watch*. Vol. 2. No. 1. Pp. 1–21.
- Caplan B.* (2005b). Rejoinder to Wittman: True Myths // *Econ Journal Watch*. Vol. 2. No. 2. Pp. 165–185.
- Conglton R.D.* (2004). The Median Voter Model // *The Encyclopedia of Public Choice* / C.K. Rowley, F. Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 382–387.
- Doucouliaagos H., Ulabasoglu M.A.* (2008). Democracy and Economic Growth: A Meta-Analysis // *American Political Science Review*. Vol. 52. No. 1. Pp. 61–83.
- Downs A.* (1957). *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper & Row.
- Freedom in the World 2013. Freedom House. freedomhouse.org/report/freedom-world/2013/egypt.
- Freedom in the World 2017. Freedom House. freedomhouse.org/report/freedom-world/2017/egypt.
- Gwartney J., Lawson R. and Hall J.* (2017). *Economic Freedom of the World: 2017. Annual Report*. Frazer Institute. www.fraserinstitute.org.
- Heinemann F.* (2008). Is Welfare State Self-Destructive? A Study of Government Benefit Moral // *Kyklos*. Vol. 61. No. 2. Pp. 237–257.
- Hoppe H.-H.* (2007). *Democracy – the God that Failed: The Economics and Politics of Monarchy, Democracy and Natural Order*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers.
- Lemieux P.* (2004). The Public Choice Revolution // *Regulation*. Vol. 27. No. 3. P. 22–29.
- Levy-Carciente S.* (2017). International Property Rights Index 2017. www.internationalpropertyrightsindex.org/full-report.
- Mueller D.C.* (2003). *Public Choice-III*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Munger M.C.* (2004). Interest Groups I // *The Encyclopedia of Public Choice* / C. K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 307–312.
- Nations in Transit (2018a). freedomhouse.org/report/nations-transit/2018/hungary.
- Nations in Transit (2018b). freedomhouse.org/report/nations-transit/2018/Poland.
- Rowley C.K.* (1997). Donald Wittman's "The myth of democratic failure" // *Public Choice*. Vol. 92. Nos. 1–2. Pp. 15–26.
- Rowley C.K. and Vachris M.A.* (2004). Is Democracy Efficient? // *The Encyclopedia of Public Choice* / C. K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 189–195.
- Rowley C.K. and Vachris M.A.* (1993). Snake Oil Economics versus Public Choice // *Public Choice Theory* / C.K.Rowley (ed.). Vol. III. Aldershot: UK and Brookfield, USA: Edward Elgar Publishing. Pp. 573–584.
- Rowley C.K. and Vachris M.A.* (1995). Why Democracy does not Necessarily Produce Efficient Results // *Journal of Public Finance and Public Choice*. (December). Pp. 97–111.
- Salter A.W.* (2017). Book Review. Jason Brennan. *Against Democracy* // *Public Choice*. Vol. 170. Iss. 1–2. Pp. 171–173.

- Salter A.W. (2015). Rights to Realm: Reconsidering Western Political Development // *American Political Science Review*. Vol. 109. No. 4. Pp. 725–734.
- Shugart II W.F., Razzolini L. (2001). Introduction: Public Choice at the Millenium // *The Elgar Companion to Public Choice* / W.F. Shugart II, L.Razzolini (eds.). Cheltenham, UK: Edward Elgar. Pp. XXI–XVII.
- Sobel R.S., Wagner R.A. (2004). Expressive Voting and Redistribution // *The Encyclopedia of Public Choice* / C.K. Rowely, F. Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 245–247.
- Tanner M., Hughes Ch. (2015). The Work versus Welfare Trade-Off: Europe // *Policy Analysis*. No.779 (August). Pp. 1–72.
- Tullock G. (1971). The Charity of the Uncharitable//*Western Economic Journal*. Vol. 9. No. 12. Pp. 379–392.
- Wintrobe R. (1998). *The Political Economy of Dictatorship*. Cambridge, UK. New York.
- Wittman D. (1989). Why democracies produce efficient results//*Journal of Political Economy*. Vol. 97. No. 6. Pp. 1395–1424.
- Wittman D. (1995). *The Myth of Democratic Failure: Why Political Institutions are Efficient?* Chicago: University of Chicago Press.
- Wittman D. (2004). Efficiency of Democracy // *The Encyclopedia of Public Choice* / C.K. Rowely, F. Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 186–189.
- Wittman D. (2005a). Reply to Caplan: On the Methodology of Testing for Voter Irrationality // *Econ Journal Watch*. Vol. 2. No. 1. Pp. 22–31.
- Wittman D. (2005b). Second Reply to Caplan: The Power and the Glory of the Median Voter // *Econ Journal Watch*. Vol. 2. No. 2. Pp. 186–195.
- Wittman D. (2009). How Pressure Groups Activate Voters and Move Candidates Closer to the Median//*The Economic Journal*. Vol. 119. No. 540. Pp. 1–20.

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovtssev

PhD (economics), professor of National Research University – Higher School of Economics and research fellow in the Center of Modernization at European University, St.Petersburg, Russia

zao-and@yandex.ru

ECONOMISTS ON THE EFFECTIVENESS OF DEMOCRACY: DEBATE ON THE TURN OF THE CENTURY

Annotation. The article analyzes the opposite of views on the effectiveness of democracy in the Chicago and Virginia schools of political economy. The introduction notes the urgency of the problem and gives a brief overview of the two stages of the polemic between these schools. The first part of the article reviews the concept of the effectiveness of democracy put forward by Donald Wittmann, representing the Chicago school of economics. The second part contains the respond to him by his opponents, – Charles Rowley and Michel Wachris, who formed a view at the failures of democracy in the theory of public choice. They represent Virginia school of political economy. The third part is devoted to the theory of rationally irrational voter of Brian Caplan as an innovation of the Virginia school and his polemics with Wittmann. In conclusion, the development of views on the crisis of democracy as a crisis of universal suffrage and proposed attempts to exit from it are presented.

Key words: *voter, effectiveness of democracy, political market, failures of democracy, Chicago school, Virginia school, rational irrationality, median voter, universal suffrage.*

JEL Classification: D72, B25.

REFERENCES

- Dunn D. (2016). *Ne ocharovyvatsya demokratiei [Breaking democracy's spell]*. M.: Gaidar Institute.
- Efimov V. M. (2018). O dvukh tipakh sotsialnykh poryadkov. Chast 1 [On two types of social orders. Part 1] // *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki. [Theoretical economics] № 1*. Pp. 7–25.
- Zakariya F. (2004). Vozniknovenie neliberalnykh demokratii [The rise of illiberal democracies] // *Logos. № 4*. Pp. 55–70.
- Kaplan B. (2012). Mif o ratsional'nom izbiratele: Pochemy demokratii vybirayut plokhuyu politiku [The Myth of the Rational Voter: Why Democracies Choose Bad Policies]. M.: IRISEN, Mysl.
- Madyar B. (2016). *Anatomiya postkommunisticheskogo mafioznogo gosudarstva: Na primere Vengrii [Post-communist Mafia State: The Case of Hungary]*. M.: New literature review.

- Chetvernin V. (2014). Ponyatie prava: konkuriruyushchie paradigmy [The concept of law: competing paradigms] // Kapitalizm i svoboda: sbornik statei [Capitalism and freedom: collection of articles]. St. Petersburg: Nestor-istoriya. Pp. 161–205.
- Hayek F.A. von. (2006). Pravo, zakonodatelstvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberalnykh printsipov spravedlivosti i politiki [Law, legislation and liberty: A new statement of the liberal principles of justice and political economy]. M.: IRISEN.
- Harhordin O. (2017). Svoboda ne tam. Est li u Rossii respublikanskoe budushchee? [Freedom is not there. Does Russia have a republican future?]. republic.ru/posts/88018.
- Yanovskii K., Zhavoronkov S. (2017). Neskolko zametok o moralnosti vseobshchei izbiratelnoi privilegii [The Few Notes on Universal Suffrage Morality] // Ekonomicheskaya politika [Economic policy]. № 6. Pp. 102–123.
- Acemoglu D. (2003). Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment, and Politics // Journal of Comparative Economics. Vol. 31. Iss. 4. Pp. 620–652.
- Barro R.J. (2013). Democracy, Law and Order, and Economic Growth // 2013 Index of Economic Freedom. Washington, D.C.: The Heritage Foundation and Dow Jones & Company, Inc. www.heritage.org/index.
- Becker G.S. (1983). A Theory of Competition Among Pressure Groups for Political Influence // Quarterly Journal of Economics. Vol. 98. No. 3. Pp. 371–400.
- Bodreaux D. (1996). Was Your High-School Teacher Right After All?: Donald Wittman's The Myth of Democratic Failure // The Independent Review. Vol. 1. Pp. 111–128.
- Brennan H.G., Lomasky L.E. (1993). Democracy and Decision: The Pure Theory of Electoral Preferences. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brennan J. (2016). Against Democracy. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Buchanan J.M. (1954). Individual Choice in Voting and the Market // Journal of Political Economy. Vol. 62. No. 4. Pp. 334–343.
- Buchanan J.M. (1984). Politics without Romance: A Sketch of Positive Public Choice Theory and Its Normative Implications // Public Choice Theory-II/J.M.Buchanan and R.D.Tollison (eds.). Ann Arbor: The University of Michigan. Pp. 11–22.
- Caplan B. (2000). Rational Irrationality: A Framework for the Neoclassical-Behavioral Debate // Eastern Economic Journal. Vol. 26. No. 2. Pp. 191–211.
- Caplan B. (2001a). Libertarianism Against Economism: How Economists Misunderstand Voters and Why Libertarians Should Care // Independent Review. Vol. 5. No. 4. Pp. 539–563.
- Caplan B. (2001b). Rational Ignorance versus Rational Irrationality // Kyklos. Vol. 54. No. 1. Pp. 3–26.
- Caplan B. (2001c). What Makes People Think Like Economists? Evidence on Economic Cognition from the Survey of Americans and Economists on the Economy // Journal of Law and Economics. Vol. 44. No. 2. Pp. 395–426.
- Caplan B. (2002a). Systematically Biased Beliefs About Economics: Robust Evidence of Judgemental Anomalies from the Survey of Americans and Economists on the Economy // Economic Journal. Vol. 112. Iss. 479. Pp. 433–458.
- Caplan B. (2002b). Sociotropes, Systematic Bias, and Political Failure: Reflections on the Survey of Americans and Economists on the Economy // Social Science Quarterly. Vol. 83. No. 2. Pp. 416–435.
- Caplan B. (2003). The Logic of Collective Belief // Rationality and Society. Vol. 15. No. 2. Pp. 218–242.
- Caplan B. (2004a). Economists versus the Public on Economic Policy // The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 180–183.
- Caplan B. (2004b). Rational Ignorance // The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 468–470.
- Caplan B. (2004c). Rational Irrationality // The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowley, F. Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 470–472.
- Caplan B. (2005a). From Friedman to Wittman: The Transformation of Chicago Political Economy // Econ Journal Watch. Vol. 2. No. 1. Pp. 1–21.
- Caplan B. (2005b). Rejoinder to Wittman: True Myths // Econ Journal Watch. Vol. 2. No. 2. Pp. 165–185.
- Conglton R.D. (2004). The Median Voter Model // The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 382–387.
- Doucouliağos H., Ulabaşoğlu M.A. (2008). Democracy and Economic Growth: A Meta-Analysis // American Political Science Review. Vol. 52. No. 1. Pp. 61–83.
- Downs A. (1957). An Economic Theory of Democracy. New York: Harper & Row.
- Freedom in the World 2013. Freedom House. freedomhouse.org/report/freedom-world/2013/egypt.
- Freedom in the World 2017. Freedom House. freedomhouse.org/report/freedom-world/2017/egypt.
- Gwartney J., Lawson R. and Hall J. (2017). Economic Freedom of the World: 2017. Annual Report. Frazer Institute. www.fraserinstitute.org.
- Heinemann F. (2008). Is Welfare State Self-Destructive? A Study of Government Benefit Moral // Kyklos. Vol. 61. No. 2. Pp. 237–257.
- Hoppe H.-H. (2007). Democracy – the God that Failed: The Economics and Politics of Monarchy, Democracy and Natural Order. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers.

- Lemieux P.* (2004). The Public Choice Revolution//Regulation. Vol. 27. No. 3. P. 22–29.
- Levy-Carciente S.* (2017). International Property Rights Index 2017. www.internationalpropertyrightsindex.org/full-report.
- Mueller D.C.* (2003). Public Choice-III. Cambridge: Cambridge University Press.
- Munger M.C.* (2004). Interest Groups I // The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowley, F. Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 307–312.
- Nations in Transit* (2018a). freedomhouse.org/report/nations-transit/2018/hungary.
- Nations in Transit* (2018b). freedomhouse.org/report/nations-transit/2018/poland.
- Rowley C.K.* (1997). Donald Wittman’s “The myth of democratic failure” // Public Choice. Vol. 92. Nos. 1–2. Pp. 15–26.
- Rowley C.K. and Vachris M.A.* (2004). Is Democracy Efficient?//The Encyclopedia of Public Choice/C. K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 189–195.
- Rowley C.K. and Vachris M.A.* (1993). Snake Oil Economics versus Public Choice // Public Choice Theory / C.K.Rowley (ed.). Vol. III. Aldershot: UK and Brookfield, USA: Edward Elgar Publishing. Pp. 573–584.
- Rowley C.K. and Vachris M.A.* (1995). Why Democracy does not Necessarily Produce Efficient Results // Journal of Public Finance and Public Choice. (December). Pp. 97–111.
- Salter A.W.* (2017). Book Review. Jason Brennan. Against Democracy // Public Choice. Vol. 170. Iss. 12. Pp. 171–173.
- Salter A.W.* (2015). Rights to Realm: Reconsidering Western Political Development // American Political Science Review. Vol. 109. No. 4. Pp. 725–734.
- Shugart II W.F., Razzolini L.* (2001). Introduction: Public Choice at the Millenium // The Elgar Companion to Public Choice / W.F. Shugart II, L.Razzolini (eds.). Cheltenham, UK: Edward Elgar. Pp. XXI–XVII.
- Sobel R.S., Wagner R.A.* (2004). Expressive Voting and Redistribution // The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowley, F. Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 245–247.
- Tanner M., Hughes Ch.* (2015). The Work versus Welfare Trade-Off: Europe // Policy Analysis. No. 779 (August). Pp. 1–72.
- Tullock G.* (1971). The Charity of the Uncharitable//Western Economic Journal. Vol. 9. No. 12. Pp. 379–392.
- Wintrobe R.* (1998). The Political Economy of Dictatorship. Cambridge, UK; New York.
- Wittman D.* (1989). Why democracies produce efficient results//Journal of Political Economy. Vol. 97. No. 6. Pp. 1395–1424.
- Wittman D.* (1995). The Myth of Democratic Failure: Why Political Institutions are Efficient? Chicago: University of Chicago Press.
- Wittman D.* (2004). Efficiency of Democracy// The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowley, F. Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 186–189.
- Wittman D.* (2005a). Reply to Caplan: On the Methodology of Testing for Voter Irrationality//Econ Journal Watch. Vol. 2. No. 1. Pp. 22–31.
- Wittman D.* (2005b). Second Reply to Caplan: The Power and the Glory of the Median Voter // Econ Journal Watch. Vol. 2. No. 2. Pp. 186–195.
- Wittman D.* (2009). How Pressure Groups Activate Voters and Move Candidates Closer to the Median//The Economic Journal. Vol. 119. No. 540. Pp. 1–20.